

ЗАВТРА — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ РУМЫНИИ ОТ ФАШИСТСКОГО ИГА

Из воспоминаний неблизких лет

Савва ДАНГУЛОВ

МЫ БЫЛИ в Бухаресте, когда город еще не успел погасить огня отгремевшей битвы. Бои сместились на запад — за Бухарестом был освобожден Плоешти, и наша армия сражалась в Карпатах.

Наступательный порыв набирал силу, а в Москву, на Большую Грузинскую, в особняк ВОВСа, уже пошла телеграмма, в которой были спроецированы наши культурные контакты на этой ранней стадии: Бухарест хотел видеть Ойстраха и ансамбль Моисеева, просил прислать партитуру Ленинградской Шостаковича и том военной публицистики Эренбурга, настойчиво приглашал Мухину, чью скульптуру «Рабочий и колхозница» помнил по выставке в Париже... Были и иные просьбы, но это было переступенно — с этого начиналось.

Я был в Бухаресте с первой группой наших дипломатов, а покинул его в середине сорок седьмого. Моим амплуа были: культурные контакты, пресса, в какой-то мере церковь — посольству не чужда и эта сфера. У интереса Румынии к нашей культуре были свои исторические корни. Румыния жила в нравственном сообществе славянских стран, с которыми ее сближала и борьба против османского произвола. Свою роль сыграло православие — мы не всегда отмечали значение церкви в сближении наших народов, а между тем церковь тут сделала много. Надо понять сам дух борьбы балканских народов за суверенность, чтобы представить, в какой мере эта борьба способствовала упрочению чувства товарищества со славянским миром. Впрочем, именно воинственный антифашизм был той главной силой, которая формировала взгляды румынской интеллигенции. Собственно, антифашизм определил во многом и победу общественных сил, возглавивших обновление Румынии. Глава коммунистов Георге Георгиу-Деж — профессиональный революционер, вожак восстания на Красной Гриве, важнейшей революционной акции румынского рабочего класса. Премьер-министр первого народного правительства Петру Гроза — видный демократ. Парламентарий, наделенный бесценным талантом общения.

В ГОДЫ, о которых я говорю, были живы виднейшие деятели румынской культуры, чей вклад признала мировая культура: чудо-музыкант Джордже Энеску, ученый-эндокринолог Константин Пархон (он возглавлял АРЛУС), прозаик Михаил Садовяну, поэт Тудор Аргеши. Все они способствовали укреплению советско-румынских культурных контактов.

Велик вклад в дело нашей дружбы Михаила Садовяну: он фактически создал издательство «Картэ русэ» — «Русская книга». Помню, что где-то в году сорок шестом я послал в Москву своеобразный альбом, воссоздающий обложки выпущенных этим издательством книг, — пятьсот обложек, свидетельствующих о полутысяче книг, выпущенных «Картэ русэ».

К чести румынских друзей надо сказать, что они считали выпуск советских книг делом, способствующим национальному возрождению Румынии. Велика тут роль видного общественного деятеля Румынии Митица Константинеску, знатока экономики. Человек немалого опыта, внимательно следящий за всеми поворотами войны, он провидел поражение фашистской Германии еще до того, как свалился Сталинград. Он пришел к этому выводу, изучив соотношение ресурсов двух сторон. Результатом постижения явилась книга, в которой автор предсказал победу Советской страны, — «Континент СССР». Книга, естественно, была написана в строжайшем секрете, матрицирована, заключена в цинковый саркофаг и, как рассказывали коллеги Константинеску, отвезена в родовое имение автора и положена на дно небольшой реки. Замысел: с победой СССР цинковый ящик должен быть поднят и матрицы переданы в типографию. По мысли автора, книга должна увидеть свет через две недели после вступления советских войск в Бухарест. Так потом и оказалось: книга вышла где-то в середине сентября 1944 года, и Митица Константинеску принес сигнальный экземпляр в посольство.

ОДНИМ ИЗ ТЕХ, кто нередко захаживал в наше посольство, был крупный здешний журналист, редактор большой бухарестской газеты «Журналул де деменца» Тудор Теодореску Браниште. Он не раз говорил мне: «Как бы хорошо было, если бы в Бухарест приехал Эренбург!» И вот в Бухаресте выходит книга военных очерков Эренбурга «Война». Браниште открывает очередной номер своей газеты передовой статьей «Илья Эренбург, добро пожаловать в Бухарест». Все, что происходит вслед за этим, вызвано стечением обстоятельств и может показаться неправдоподобным, но это — правда. В день выхода газеты в Бухарест прилетает Эренбург. Точно по звонку, который был услышан в разных концах Бухареста, собираются двадцать корреспондентов двадцати бухарестских газет — каждому Эренбург дает десять—пятнадцать минут. Принцип: у всех интервью, конечно, тема войны, но одно не повторяет другое. Эренбург отыскивает разные грани, разумеется, учитывая специфику газеты. Я знал Эренбурга не первый день — два военных года проработал с ним в «Красной звезде». Видел, как возникали его знаменитые «двуколонники», которым был предпослан документ: текст допроса военнопленного, неотправленное письмо немецкого солдата, секретный приказ фюрера... Фронтные корреспонденты находили эти документы, пересылали их Эренбургу, остальное было делом несравненного умения писателя: на статью уходило два-три часа. Говорю об этом как самовидец. На другой день на страницах бухарестских газет появились статьи Эренбурга, в каждой газете своя... Сколько? Боюсь ошибиться: много, очень много...

В БУХАРЕСТ приехала Вера Игнатьевна Мухина. Румыния знала Мухину по ее работам. Здесь было известно и то, что годы ее становления связаны с именем Эмиля Антуана Бурделя, в парижской мастерской которого она работала. Румынские друзья подали мысль: не могла бы Вера Игнатьевна выступить перед здешней художественной интеллигенцией с докладом, тему которого она изберет сама. Но вот что если не обязательно, то желательно: доклад должен быть произнесен на французском. В этом случае диалог будет непосредственным, живым.

Мне остается добавить, что я был во дворце АРЛУСа и говорил Веру Игнатьевну. В тот день она говорила о самой сути искусства, а следовательно, о человеке, его природе, истоках его существа и нашей способности познавать человека. Думаю,

что Вера Игнатьевна волновалась, начиная доклад, но она победила это волнение самым знанием предмета и в немалой степени отличным французским. Не склонен думать, что доклад дался Вере Игнатьевне легко. Наоборот, убежден: он наверняка потребовал труда, но этот труд был скрыт от наших глаз. Припомнилось классическое нестеровское: «Незаконченных работ не показываю!»

ДА, РУМЫНИЯ открывала для себя советскую культуру. Надо сказать, что многое явилось неожиданным для румын, как неожиданным, надо признаться, явился и для нас, в частности, тип румынского интеллигента. Он оказался иным, чем мы его представляли. Образованнее, тоньше, изысканнее в своих эстетических пристрастиях. Не следует забывать и роли Запада, в частности Франции, где получили образование многие румынские интеллигенты. Секрет успеха Мухиной — здесь. Как и секрет Давида Федоровича Ойстраха. Кстати, он выступил в концерте с Джордже Энеску, великим музыкантом нашего столетия.

Есть смысл отметить деталь, характеризующую нашего артиста и с чисто человеческого стороны. Был год неурочный — осень 1945-го. Бедствовали и музыканты, участвовавшие в концерте. Кто-то сказал об этом Ойстраху. Короче: свой гонорар от концерта в «Аро» он просил передать оркестру.

Ойстрах положил начало дружбе наших музыкантов с Энеску. Раз в неделю Энеску устраивал камерные концерты у себя дома. Это был обычно дуэт. Играл он и кто-то из тех, кого он хотел видеть своим партнером. Нередко это были советские музыканты. Я был в доме Энеску, когда там играли Оборин и Шафран. Впрочем, играли не только наши. Так, как это было в свое время с Ойстрахом, Энеску выступил в зале «Аро» с Менухиным, предварив это выступление концертом перед кругом избранных гостей. Наши отношения с Энеску вначале поездки великого музыканта в Москву. В музыкальной летописи столицы приезд Энеску — значительная дата.

Крупным центром нашей культуры был в Бухаресте Музей русско-румынских отношений. Известно, что Россия внесла свой вклад в борьбу народа против османского ига, что явилось первоосновой румынской суверенности. Знаменитый генерал Киселев (наше посольство в Бухаресте помещалось на шоссе, носящем имя генерала) был одним из тех, чье участие в создании Органического регламента — важного правового документа — вспоминается и сегодня. Возникла идея: собрать воедино все, что может воссоздать историю русско-румынских отношений. Оказалось, что необыкновенно содержательное досье подобных документов хранят библиотеки, учебные заведения, монастырские архивы Румынии.

ОСОВО ЕСТЬ резон сказать о наших отношениях с церковью, которая традиционно играла значительную роль в общественной жизни Румынии. Святам между русской и румынской православными церквями служили личные контакты глав этих церквей: патриархов Алексия и Никодима. Я встречал патриарха Алексия в Унгенах, а затем сопровождал его в поездке по стране. Вопреки весьма преклонному возрасту патриарх Никодим нанес ответный визит, оживив воспоминания молодости — он получил духовное образование в России, на всю жизнь сохранив знание русского. Этому способствовали и переводы русских богословских книг — патриарх переводил их до последних своих дней.

Посольство шло навстречу и благотворительным акциям здешней армяно-григоринской церкви, которую в ту пору возглавлял нынешний каталикос всех армян, народный депутат СССР Вазген I. Надо отдать должное отцу Вазгену, он много сделал для оказания разносторонней помощи Армении, в особенности медицинским инструментарием и медикаментами, в чем особенно нуждались тогда военные госпитали. Всеобщим уважением пользовался в общине этот в сущности молодой человек и молодой священник...

НАВЕРНОЕ, уместно отметить, что за годы, минувшие после Победы, Советская страна осуществила несколько крупных акций, свидетельствующих о доброй воле к Румынии, о чувстве дружбы. Поману лишь об одной, имеющей отношение к сфере, которой занимался в Румынии. Еще до революции Румыния передала России часть своих национальных ценностей, в том числе и церковных. Стоит ли говорить, с каким удовлетворением акция возвращения этих сокровищ была бы встречена румынским общественным мнением.

...Я вернулся из Румынии, заняв пост одного из редакторов журнала «Иностранная литература». И вот телефонный звонок и редкостно знакомый голос:

— Приехал из Румынии принимать сокровища... Хочу видеть вас!

Да, да, есть нечто фантастическое: Тудор Аргеши, великий сын Румынии, одно из первых имен ее поэтической антологии.

Вот что любопытно: Аргеши всегда хорошо относился к революционной России. Почему так? Наверное, мое объяснение неполно, но в нем есть зерно правды: в годы жизни в Швейцарии первыми друзьями Аргеши были русские политические, через которых он познавал и Ленина...

И вот мы сидим в моей редакционной келье на Воробьевском.

— Скажите: «Поезжайте в Москву и примите... клад — Румыния разом станет богатой!.. Там одна насадка из чистого золота весит килограммы!.. Вот я и приехал!.. Что можно сказать? Завтра иду в Кремль принимать сокровища! Спасибо России!..

Наверное, на этих словах Тудора Аргеши и следует закончить наш рассказ, быть может, и не вместились всех фактов, но утверждающий мысль насущную: волей истории мы живем рядом, как и волей истории дано в нерасторжимом согласии созидать наше сегодня и завтра.

Голос в телефонной трубке был бодрым, приветливым и доброжелательным. Савва Артемьевич спрашивал, когда будет напечатана статья, будет ли сокращения... Обычный «рабочий момент». Это было в пятницу. А в понедельник снова телефонный звонок: Савва Артемьевич Дангулов скоропостижно скончался.

Его статья, которую вы только что прочли, сказала многое об этом прекрасном человеке — журналисте, корреспонденте «Красной звезды» в годы Великой Отечественной войны, талантливым дипломате, драматурге, писателе.